

Мандельштам Осип Эмильевич

Биография
и
Творческий
путь

Детство и учеба Осипа Мандельштама

Родился 3 (15) января 1891 в петербургской еврейской купеческой семье. Учился в Тенишевском училище, увлекался эсеровским движением (воспоминания «Шум времени», 1925). В 1907-08 слушал лекции в Париже, в 1909-10 в Гейдельберге, в 1911-17 изучал в Петербургском университете романскую филологию (курса не закончил).

Символизм Мандельштама

Первые стихотворные опыты в народническом стиле относятся к 1906, систематическая работа над поэзией началась с 1908, первая публикация — 1910.

Мандельштам примыкает к символизму (посещает В. И. Иванова, посылает ему свои стихи). Его программа — сочетать «суровость Тютчева с ребячеством Верлена», высоту с детской непосредственностью. Сквозная тема стихов — хрупкость здешнего мира и человека перед лицом непонятной вечности и судьбы («Неужели я настоящий / И действительно смерть придет?..»); интонация — удивленной простоты; форма — короткие стихотворения с очень конкретными образами (пейзажи, стихотворные натюрморты). Поэт ищет выхода в религии (особенно напряженно в 1910), посещает заседания Религиозно-философского общества, но в стихах его религиозные мотивы целомудренно-сдержанны («Неумолимые слова...» — о Христе, который не назван). В 1911 принимает крещение по методистскому обряду. Из стихов этих лет Мандельштам включил в свои книги менее трети.

Акмеизм Мандельштама

В 1911 Мандельштам сближается с Н. С. Гумилевым и [А. А. Ахматовой](#), в 1913 его стихи Notre Dame, «Айя-София» печатаются в программной подборке акмеистов.

Программа акмеизма для него — конкретность, «посюсторонность», «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия», преодоление хрупкости человека и косности мироздания через творчество («из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам»): поэт уподобляется зодчему, первая книга Мандельштама называется «Камень» (1913, 2-е изд. — 1916). Так же «зодчески» должно строиться и общество (стихи о всеединящем Риме, статьи «Петр Чаадаев», «Скрябин и христианство»). Стихи его приобретают высокую торжественность интонаций, насыщаются классическими мотивами («Петербургские строфы», «Бах», «Я не увижу знаменитой «Федры»); в сочетании с бытовыми и книжными темами это порой дает остраненно-причудливые рисунки («Кинематограф», «Домби и сын»). К нему приходит известность в литературных кружках, он свой человек в петербургской богеме, задорный, ребячливый и самозабвенно-торжественный над стихами.

Отношение Мандельштама к Первой мировой войне и к революции

Первую мировую войну Мандельштам сначала приветствует, потом развенчивает («Зверинец»); отношение к октябрю 1917 как к катастрофе («Кассандре», «Когда октябрьский нам готовил временщик...») сменяется надеждой на то, что новое «жестоковейное» государство может быть гуманизовано хранителями старой культуры, которые вдохнут в его нищету домашнее, «эллинское» (а не римское!) тепло человеческого слова. Об этом — его лирические статьи «Слово и культура», «О природе слова», «Гуманизм и современность», «Пшеница человеческая» и др. (1921-22). В 1919-20 (и позднее, в 1921-22) он уезжает из голодного Петербурга на юг (Украина, Крым, Кавказ: воспоминания «Феодосия», 1925), но от эмиграции отказывается; в 1922 поселяется в Москве с молодой женой Н. Я. Хазиной (Н. Я. Мандельштам), которая станет его опорой на всю жизнь, а после гибели героически спасет его наследие. Стихи 1916-21 гг. (сборник *Tristia*, 1922, «Вторая книга», 1923) написаны в новой манере, значения слов становятся расплывчаты, иррациональны: «живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья,... милое тело».

Слова соединяются в фразы только звуками и семантической эмоцией («Россия, Лета, Лорелея»), связь между фразами теряется из-за пропусков ассоциативных звеньев. В тематике появляются «черное солнце» любви, смерти, исторической катастрофы, «ночное солнце» сохраняемой и возрождаемой культуры, круговорот времен, а в центре его — «святые острова» Эллады («На развалинах...», «Сестры — тяжесть и нежность...», «Золотистого меда струя...», «В Петербурге мы сойдемся снова...» и др.). К 1923 надежды на гуманизацию нового общества иссякают, Мандельштам чувствует себя отзвуком старого века в пустоте нового («Нашедший подкову», «1 января 1924») и после 1925 на пять лет перестает писать стихи; только в 1928 выходят итоговый сборник «Стихотворения» и прозаическая повесть «Египетская марка» (тем же отрывисто-ассоциативным стилем) о судьбе маленького человека в провале двух эпох.

Вызов власти

С 1924 Мандельштам живет в Ленинграде, с 1928 в Москве, бездомно и безбытно, зарабатывая изнурительными переводами: «чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она не нуждается». Он принимает идеалы революции, но отвергает власть, которая их фальсифицирует. В 1930 он пишет «Четвертую прозу», жесточайшее обличение нового режима, а в 1933 — стихотворную инвективу («эпиграмму») против Сталина («Мы живем, под собою не чуя страны...»). Этот разрыв с официальной идеологией дает ему силу вернуться к творчеству (за редкими исключениями, «в стол», не для печати): его стихи — о чести и совести, завещанных революционными «разночинцами», о новой человеческой культуре, которая должна родиться из земной природы, как биологическое или геологическое явление («Сохрани мою речь...», «За гремучую доблесть грядущих веков...», «Армения», очерки «Путешествие в Армению»). Ассоциативный стиль его стихов становится все более резким, порывистым, темным; теоретическая мотивировка его — в эссе «Разговор о Данте» (1933).

Ссылка и гибель Мандельштама

В мае 1934 Мандельштам арестован (за «эпиграмму» и другие стихи), сослан в Чердынь на Северном Урале, после приступа душевной болезни и попытки самоубийства переведен в Воронеж. Там он отбывает ссылку до мая 1937, живет почти нищенски, сперва на мелкие заработки, потом на скудную помощь друзей. Мандельштам ждал расстрела: неожиданная мягкость приговора вызвала в нем душевное смятение, вылившееся в ряд стихов с открытым принятием советской действительности и с готовностью на жертвенную смерть («Стансы» 1935 и 1937, так называемая «ода» Сталину 1937 и др.); впрочем, многие исследователи видят в них лишь самопринуждение или «эзопов язык».

Центральное произведение воронежских лет — «Стихи о неизвестном солдате», самое темное из сочинений Мандельштама, с апокалиптической картиной революционной (?) войны за выживание человечества и его мирового разума. Мандельштам то надеялся, что «ода» спасет его, то говорил, что «это была болезнь», и хотел ее уничтожить. После Воронежа он живет год в окрестностях Москвы, «как в страшном сне» (А. Ахматова). В мае 1938 его арестовывают вторично — «за контрреволюционную деятельность» — и направляют на Колыму. Он умер в пересыльном лагере, в состоянии, близком к сумасшествию, по официальному заключению — от паралича сердца. Имя его оставалось в СССР под запретом около 20 лет.

